

Строительство Дворца радио

Сегодня мы печатаем несколько фотографий с выставки «Живой Париж», которая недавно экспонировалась в Москве, а теперь демонстрируется в Киеве.

ФРАНЦИЯ В ОЖИДАНИИ

МОЖНО с полной уверенностью сказать, что никогда еще во

Франции не придавали такого огромного значения визиту главы иностранного правительства. Никогда еще подобный визит не волновал так сильно всю страну — от Марселя до Ниццы и от Бордо до Дижона.

Газеты посвящают предстоящему приезду Никиты Сергеевича Хрущева ценные полосы. Все поневоле замечают, что приемы «большой прессы», приемы, которые часто выглядят, мягко выражаясь, спорными, в данном случае приносят пользу. Обычно эта пресса проявляет особый интерес к сенсационным и «живописным» деталям, она весьма падка до подробностей личной жизни людей, до незначительных пустяков оставляет в стороне все подлинно важное и значительное. Но в нынешних чрезвычайных обстоятельствах органы буржуазной печати, порой совершающие ненормальное, сообщают факты, идущие на пользу дела мира и дружбы между народами. Браво!

Большое всенародное ожидание создает визита главы Советского правительства атмосфера симпатии и оптимизма. Лондонская «Таймс» писала недавно, что «встреча между де Голлем и Хрущевым достойна пера Шекспира» и что сейчас, мол, никто не сумеет описать ее должным образом. Французская газета, отнюдь не славящаяся дружескими отзывами о Советском Союзе, остроумно заметила по этому поводу, что одно из самых приятных произведений Шекспира называется «Все хорошо, что хорошо кончается».

Что же касается тех, кто всегда был на стороне СССР, то в эти дни они испытывают чувство огромной радости и гордости. Живой стиль, который Никита Хрущев сумел придать политику вообще и международным отношениям в частности, особенно привлек французов. Народы начинают говорить друг с другом с той же откровенностью, свободой, пониманием и доброй волей, какие возникают, когда человек беседует с человеком. Вот чем Хрущев покорил Францию, так же, как он покорил Соединенные Штаты. Разумеется, это его личное качество. Но если пойти дальше, то можно сказать, что благодаря ему, Хрущеву, люди начинают любить тот край, тот новый мир, который породил такого государственного деятеля и позволил его личным качествам развиться до столь высокого уровня. Люди начинают любить ваш край, ваш мир, дорогие советские читатели!

Легче стало разговаривать друг с другом, легче стало договариваться! И самое главное — стало легче любить своих друзей! Самому безвестному крестьянину из самой отдаленной французской деревушки хочется назвать этого великого руководителя великой державы по имени — разве это не создает поэзию радостного настроения? Дорогой Никита Сергеевич, спасибо вам за эту помощь, которую вы оказываете миру! Спасибо всем тем, кто стоит за Никитой Сергеевичем, помогая ему, помогая всем нам!

Дорогие советские люди, Никита Сергеевич — ваш посланник. Мы гордично приветствуем его, и это приветствие обращено также к каждому из вас, к каждому советскому человеку. Вы не увидите наших прекрасных соборов, словно сплетенных из тонального кружева, ни наших замков — замечательных памятников старинны. Вы не отведете нашего шампанского, не увидите наших гобеленов, нашего фарфора. То есть я хочу сказать, что сегодня вы еще не увидите всего этого... Однако теплоту наших сердец, дружеский порыв народа Франции, надежду на установление между нами более тесных связей — это вы ощутите во время поездки Никиты Сергеевича по нашей стране, это вы, наверное, ощущаете уже сейчас.

В сожалению, нужно упомянуть и о другом. У нас еще есть элементы, которых не нравится эта поездка, которым не по душе надежды, пробуждаемые ею. Может даже показаться, что изолированные выступления против визита советского премьера встречаются у нас чаще, чем в свое время они были в Соединенных Штатах. Бессспорно, такие выступления — следствие того морального загнивания, которое вызывают колониальные войны. Только в атмосфере войны в Алжиреничтожные авантюристы могли сдвинуть какую-то политическую карьеру и

Андре СТИЛЬ,
французский писатель

ПРОЛЕТАРИЙ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 35 (4160)

Вторник, 22 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

На заводе «Рено»

Юрий ЯКОВЛЕВ

Их было только четверо —
Четыре человека.
В лицо с утра до вечера
Летели хлопья снега.
Уже крупы — ни горсточки
В головном поединке.
Горят на шапках звездочки —
Последним кровинки.
Лишь руки — тяжелых олов.
Лишь головокружение.
У моря и у головы
Солдаты в окружении.
И новых штором полы
Гремят о баржу медью.
Поет гармонь вполголоса,
Как будто перед смертью.

ЧЕТВЕРО
Но воины бесстрашные
Плечом к плечу, все вместе
Стоят, как братья старшие
Стояли насмерть в Бресте.
Их было только четверо —
Четыре человека.
В лицо с утра до вечера
Летели хлопья снега.
И море силой морялось,
И рядом смерть ходила.
И нам сперва не верилось.
Что так оно и было.
Но победило мужество
В сражении наконец.
Да здравствует содружество
Ненущихся сердец!

БУДУТ ТАКИЕ КНИГИ!

ЭТО село расположено
среди лесов,
на стыке Татарин и
Куйбышевской области.
Скорый поезд стоит тут считанные
минуты. Но когда проводник объявляет:
«Шентала!... Зиганшин!...» пассажиры
дружно высыпают на заснеженный
перрончик, всматриваются в окружавший
этот пейзаж.

В Шенталинском районе ВЛКСМ хранился заявлением, которое написал Асхат Зиганшин, когда вступал в комсомол. Это было семь лет назад, и Асхат учился тогда в седьмом классе. На листке из тетради старательно выведено: «Я обещаю быть дисциплинированным, достойным гражданином Советского Союза».

Директор шенталинской средней школы Борис Николаевич Кафидов рассказывает, что учился Асхат всегда хорошо, но меньше всего походил на памальчика или збурилу. Любил гармошку и был неутомимым лыжником, велосипедистом. На школьных конкурсах отмечались, как лучшие, его рисунки.

Бог маленький, но очень характерный эпизод, в котором, если учитывать год рождения — возраст Зиганшина, как бы скрыто «зернышко» подвига.

Однажды зимой старшеклассники во главе с директором школы — лыжником-корм-пара-зиядником Б. Кафидовым отправились в трудный агитпоход. Под конец стало тусклое с продуктами. Оказалось, что некоторые ребята съели свои запасы в первые же дни. Асхат был в числе тех ребят, кто четко соблюдал режим и не присоединился ни к одному лишнему кусочку. И он в готовности отдал в общий котел содержимое своего рюкзака.

Отец Асхата Рахимзян Зиганшин читает конохонский пункт «Загатзер». Семья была большой, трудовая, и Асхат честенко ухо в время учебы на тракториста приходилось и мыть в доме полы, и подрабатывать грузчиком на железнодорожной дороге. Он был однажды

ним из лучших трактористов колхоза. Что еще воспитывало Асхата Зиганшина, формировало его характер? Примеры самой жизни.

Шенталинский район, где живут татары, башкиры, чуваша, русские, дал стране 11 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

Зиганшин оказался достойным своих земляков и тогда, когда пошел служить в армию.

С волнением читаем мы письма молодого командира экипажа «Т-36» своего родным, школьной подруге Вале Плехановой:

«...Завтра выходим в Тихий океан. Нас четыре человека. Ничего, кроме бурлящей воды, а как подует сильный ветер и начнет штормить, наше судно бросает по волнам. Но ничего, приходится держаться, раз уж назвались моряком!»

А вот строки последнего письма, написанного за восемь дней до трагического происшествия:

«...Вот так и бывает, нагрянет ветер метров 45—50 в секунду, подует сухое — дое, и опять тихо...»

...День и ночь неутомимо отстукивает моряку шенталинский телеграф. Он приносит все новые поздравления с разных концов страны.

Огромен интерес, который проявляют к подвигу славной четверки все советские люди, стар и млад. Библиотекарь одной из школ рассказывает, что это сейчас без конца сказывают ребята:

— А книжки про них есть нет?
— Будут такие книги, дорогие ребята
Обязательно будут!

Ю. ОКЛЯНСКИЙ
(Наш корр.)

Подвиг, рожденный великим временем

Владимир КИСЕЛЕВ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

первых пятилеток, и герои Отечественной войны лучшими ленинцами являются те, кто в героях сегодняшних будней своим трудом возвеличивает науку Отчизны.

Радостно думать, что подвиг Зиганшина, Поплавского, Крючковского и Федотова — это не только победа силы духа советских людей в

— Это такие хлопцы... Такие хлопцы, что посади их в дот — так они, как герой Брестской крепости, удержат его... и с половиной недель... Не меньше...

Это так! Ну а как поведет себя в трудные минуты девочка, о которой я вспомнила, перелистывая свой дневник?

На этом листе моего альбома подклеена линза одна коротенькая записка, сделанная рукой человека, который еще хорошо помнит школьные прописи. Это и в самом деле записка школьницы-семилетки Валы Б.

Валя — обыкновенная, ничем не примечательная девушка. Но история, которая с ней произошла, наталкивает на многие размышления.

...Этот день начался у Вали как-то очень плохо. В школе у нее так разболелась голова, что пришлось вернуться домой. Затем наступило какое-то полубоярочное состояние. Девочка с диагнозом «нефрит» отправили в больницу.

В больнице проходила практику студенты медицинского института. Олия из них забыла на подоконнике учебник.

Валя нашла раздел, посвященный заливанию почек, заглянула в конец главы. Исход хронического нефрита леталет, — прочла она.

Что такое летальный, Валя знала: смерть.

В этот день и в ту ночь она эпизод за эпизод перебирала в памяти свою короткую жизнь — правильно ли она жила — и думала о том, как бы она поступала дальше, если бы осталась в живых, и как будет поступать в то время, которое ей еще отпущенено на земле. Она вспоминала Павлу Корнагина, Олега Бышова, Зоя Космодемьянскую и дала себе слово, что будет достойной из памяти.

Она сдержала свое слово. В ее отношениях с большими, которые вместе с ней находились в больнице, с товарищами, учениками, комиссаром, комсомольской организацией и военными командирами, литераторами, всем строем советской жизни, всей нашей действительностью, которая воспитала в этих людях высокие моральные качества, советский патриотизм.

Патриотизм является основой советского характера. Все эти годы девять лет, когда я помечу в свой альбом фотографию со скульптуры или с картинами, которые с таже же силой с еще большим смылом, чем эти газетные сообщения, расскажут о прекрасном и человеческом отношении, расскажут о подвиге четырех молодых советских солдат. С этим нужно спешить. Этого нельзя откладывать. Это одна из очень важных задач деятелей всех видов нашего искусства — как можно полнее и глубже изобразить советский характер.

Когда мы думаем о подвиге четырех отважных, мы гордимся не только ими, мы гордимся их родителями и школьными учителями, комсомольской организацией и военными командирами, литераторами, всем строем советской жизни, всей нашей действительностью, которая воспитала в этих людях высокие моральные качества, советский патриотизм.

Она не жаловалась на свою судьбу.

Она не пала духом. Она скрывала от матери и товарищей, что ее ждет.

Эта девочка стала в больнице одним из самых необходимых и самых любимых людей и для больных, и для медиксов.

Валя гуляла с бабушкой. Мимошли две девушки.

— Посмотрите, — сказала одна из них, — какой красивый мальчик.

— Да, — ответила другая. — Он и в самом деле очень похож на Ленина, которого он был мальчишкой.

Моральное обаяние образа гениального

солдата первого в мире социалистического государства так велико, что для советского человека ребенок, чей-то напоминающий маленького Ленина, — самый красивый ребенок.

Когда мы опишем подвиг наших людей, когда мы думаем о характере советского человека — перед нами встанет образ великого участника жанровых переговоров по разоружению в мире, когда Хрущев сумел придать его приезду, привнесшему особенно сильное впечатление на французскую общественность. Это — очередное свидетельство добрии воли Советского Союза и его стремления урегулировать насущнейшую проблему.

Надо надеяться, что переговоры между

руководителями Советского Союза и Франции

будут иметь конкретные результаты,

в частности, приведут к укреплению

дружественных отношений, и прежде

всего — к подъему дружбы между

народами.

Мой знакомый, старый токарь, теперь

уже пенсионер, Павел Лукич Рудь, говорил о подвиге четырех советских солдат, заместил:

— Они выстоали потому, что они — настойчивые люди.

И еще одно. То, что американские моряки спасли советских матросов, — не случайность.

Солидарность моряков существует издревле; можно сказать что она стара, как море. Но тут морская трагедия затерялась в истории.

Я сказал то, что я знаю.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его граждан.

Я—ЗА «ПОДНЯТУЮ ЦЕЛИНУ»!

ЗАКОНЧЕНА книга, начатая Михаилом Шолоховым почти тридцать лет назад, книга, ставшая любимым произведением нескольких поколений.

Ею зачитывались наши отцы, для которых Давыдов и Нагульновы были живым напоминанием о собственной молодости, о первых годах революционных преобразований в России. Мы, кому сейчас по 18—20 лет, со школьной скамьи полюбили эту книгу. Полюбли и поверили в ее герое, потому что они — «всамедишины» люди, а не ходячие олицетворения добра и зла. Может быть, поэтому как-то не вязались школьные «характеристики образов» — сухое перечисление положительных и отрицательных качеств — с нашим представлением о живых, настоящих Давыдове, Нагульнове. Разметковые.

К этому роману Шолохова я не раз буду возвращаться на протяжении всей моей жизни, буду перечитывать его, как перечитываю уже и теперь. Каждый раз я открывала (и буду открывать) новые и новые грани характеров, вижу

не подмеченные раньше черточки у знакомых героев. И всегда, перечитывая страницы изумительной шоховской прозы, я по-новому, как-то свежо воспринимаю манеру письма Шолохова, его юмор, богатство образов — то есть все, что мы в школе называли «художественными особенностями».

Скажу правду: когда я увидела первоначальный список произведений, выдвинутых на соискание Ленинских премий, у меня, как говорится, «глаза разбежались». Я не сразу решила, какая книга кажется мне наиболее заслуживающей этой высокой награды. Ведь я очень люблю стихи Михаила Светлова и Ярослава Смелякова, северные сказы Бориса Шергина, мне нравятся повести Александра Рекемчука и Юрия Бондарева. И все же, по-моему, не было в этом списке книги, равной «Поднятой целине». Я присоединяю свой голос ко всем тем, кто считает роман Михаила Шолохова наибольшее достойным претендентом на Ленинскую премию.

И. ХАН-МАГОМЕДОВА,
рабочница 1-го часового завода
МОСКВА

ВТОРАЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ РОМАНА

КАК-ТО я узнала, что в Финляндии вышел в свет любимый нашими читателями роман А. Ширванзаде «Хаос». И когда в ноябре прошлого года мне довелось побывать в Хельсинки, я пришла искать книжных магазинах эту книгу.

— Зря стараешься, не найдете, — сказал мне переводчик романа, — весь тираж разошелся очень быстро. «Хаос», вышедший у нас под заглавием «Город черного золота», был отлично принят финскими читателями и критиками. Великолепный роман!

Мне кажется, что точно так же скажут бы и в других странах: «великолепный роман».

Хаосом А. Ширванзаде называл обество, в котором любовь, дружба, человечность продаются, где идеалы свободы, справедливости, правды заменены откровенной ложью, фальшивостью. Для нас этот собственнический миф канул в вечность, но он все еще существует рядом с нами. Знать его необходимо.

Вартан Аджемян давно готовился поставить на сцене «Хаос». И вот его долгие труды и творческие искания лишились, наконец, блестящий результат. Роман обрел сценическую жизнь.

Неложно было создать из романа с множеством героев и эпизодов стройную, цельную пьесу. Но Аджемян это удалось. Здесь тот редкий случай, когда у зрителя не возникает никакого ощущения обедненности большого литературного полотна, перенесенного на сцену. Роман как-то очень компактно, если так можно выразиться, уложился во все-таки ограниченные рамки теат-

рального представления. Все свое внимание автор инсценировки, он же режиссер, сосредоточил на остром, гневном противопоставлении двух жизненных принципов, воплощенных в образах братьев Смбата и Микаэла. Первый отступил от своих прекрасных романтических мечтаний, благородных идей, высоких принципов, второй же вырвался из мира хаоса, безрвственности, лжи, кошмарного тумана и, обновившись от всего этого, нашел свое счастье в любви к чистому существу, два образа, две судьбы, две дороги.

Лучших исполнителей этих ролей, член Давид Малиан (Смбат) и Бабик Нерсисян (Микаэль), вряд ли можно было найти. Мрачен, трезв, настойчив в достижении своих целей, подчинивший себе одну лишь алчную мысль Смбат — Малиан. Горяч, вспыльчив, искренен, сохранивший в своем сердце чистый уголок Микаэль — Нерсисян. И зрителю восторгает щедрыми аплодисментами их умную, проникновенную игру.

Не будь физической усталости исполнителей этого монументального представления, «Хаос» можно было бы показывать ежедневно: в администрации театра заливок на три месяца вперед — от заводов и колхозов, от различных учреждений и частных лиц. Такое случается только тогда, когда перед нами явление подлинного большого искусства. А «Хаос» в Театре имени Сундукина и есть высокое искусство.

Рачия ОВАНЕСЯН,
пост

ЕРЕВАН

Он жив, Джабарлы!

Театральный сезон в Баку теперь почти немыслим без пьес Джабарлы. И не только в Баку любят его пьесы. Они идут в многих театрах наших братских республик, идут с успехом, хотя со времени их написания прошло не меньше четырех веков.

Жизнь основоположника азербайджанской советской драматургии оборвалась, когда ему было и 35 лет. Но эти 35 лет стоили иных семидесяти.

Люди, у которых сегодня пробивается первая седина, помнят, каким событием становилась каждая пьеса Джабарлы.

Когда велась борьба за раскрепощение азербайджанской женщины, Ди Джабарлы создал пьесу «Севилья», героиня которой сбрасывала чадру. Сила воздействия этой пьесы была такова, что многие женщины тут же, в театре, следуя примеру Севильи, обходясь без «двинущей темницы» — черного покрывала... Народы Советского Союза строят новую жизнь великому драматургу семейству — Джабарлы. Выступает с монументальной историко-революционной драмой «В 1905 году», прозвучавшей гимном дружбы и братства азербайджанцев и армян, которые в самые тяжелые годы царской реакции плачом к плачу с русским proletariatом штурмовали власть помещиков и буржуазии.

Значительны и масштабны пьесы «Алмас» и «Ишар», героя которых стали любимцами зрителя, служили высокими образами для молодого поколения строителей коммунистического общества. Герои эти живы в самом широком смысле этого слова: сотни отцов и матерей назвали своих детей именами героев Джабарлы: Ишар, Солмаз, Эльхан, Севилья — именами, которые были придуманы драматургом и вошли в жизнь народов вместе с героями.

Склад своего таланта, кистью смелой и самобытной Джабарлы создал образы, ставшие в большинстве своем нарицательными.

Дж. Джабарлы умел предвидеть развитие характеров в жизни, он определил перспективы того, что только начинало зарождаться.

ТОРЖЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

На днях в Азербайджанском драматическом театре имени М. Азизбекова состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения Ди Джабарлы. Вечер открыл председатель юбилейной комиссии Раис Рза. О жизни и творчестве Джабарлы рассказал Мамед Ариф: воспоминаниями о встрече с писателем поделился поэт Юрий Фидлер.

Юбилейные торжества спели праздникумом, артисты пели, пели, пели, пели, вспоминая дружбу между народами, страстным поборником которой был Ди Джабарлы. Об этом говорили на вечере А. Сорокин, передавший приветствие от московских литераторов, представители писательских организаций, писатели из Армении, Узбекистана, Туркмении, Дагестана.

Вечера, посвященные творчеству Джабарлы, состоялись в клубах и домах культуры. На одной из бакинских площадей заложен памятник Ди Джабарлы. БАКУ. (Наши корр.)

ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ В США

19 марта в Москву после четырехнедельного пребывания в Соединенных Штатах Америки возвратилась делегация советских писателей в составе Степана Шипачева, Леонида Леонова, Мухтара Ауэзова и Олеся Гончара.

На Внуковском аэропорту столицы ли-тераторы встречали секретариправления Союза писателей СССР К. Воронков, Г. Марков, Л. Новицкий, А. Салынский.

ПРОБЛЕМЫ драматургии

НАША драматургия, как вся национальная литература и искусство, рождалась из сценок изображения, противопоставления, вдохновленных образами, вдохновленными идеями, мечтами, желаниями, стремлениями.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые национальные писатели и писательницы боятся сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть», не «принизить» и не сделать пьесу старой, истасканной конфликтами, — они становятся весьма плохими помощниками нашего театра и литературы.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билья Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Кирилла, Вс. Иванова, Погодина, Чининского, Корнейчука и других.

Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись пьесы — национальные, социалистические, коммунистические.

МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВЫХ

СРЕДИ разнообразных церемоний, оправдывающих в Соединенных Штатах по случаю визита канцлера ФРГ Аденауэра, было и торжественное вручение гостю почетного звания доктора права. Принстонского университета. Канцлер произнес в связи с этим длинную речь, полную воинственных угроз по адресу Востока, и заверил в своей решимости «не допустить изменения статуса Западного Берлина», то есть повторил все то, что неоднократно по любому поводу говорил в последние месяцы. Единственным отступлением от заранее написанного текста речь была, как отмечают приставовавшие, следующая проникновенная фраза: «Признаю, что почетный доктор, я чувствую близость к Джону Фостеру Даллесу, одному из самых выдающихся среди нас».

Близость к покойному мистеру Даллесу престарелый канцлер имеет в виду не в прямом (он редко вспоминает о своем возрасте), а в переносном смысле слова. Тень бывшего государственного секретаря, одного из самых ярых выразителей политики «холодной войны», действительно, незримо витает в Вашингтоне, когда бывший канцлер произносит свою речь. С именем Джона Фостера Даллеса связана непримиримая, бесмысленная по своей жестокости политика Запада в германском вопросе. Стремясь добиться претворения в жизнь той же политики, канцлер и предпринял утомительный вояж за океан на кануне совещания в верхах.

Аденауэр пугают малейший проблеск света в грозовых тучах на международном горизонте, даже самая отдаленная надежда на прояснение. Он смертельно боится обсуждения германской проблемы на предстоящем совещании глав правительств четырех держав. Недаром, как признался канцлер в одном из своих многочисленных выступлений в Америке, у него «голова болит» при мысли о встрече на самом высоком уровне.

Некоторое время назад президент США Эйзенхауэр упомянул о желательности ликвидировать «аномалию», существующую сейчас в Западном Берлине. Этого было достаточно, чтобы

ПАРИЖ

Рынок

Вопреки правде жизни

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

нине зрителей коммунистические чувства, как вы говорите, а не стольковение Гагановой с выдуманными для нее врагами.

И пока человек приходит к этому решению, он должен пройти очень сложный, с точки зрения психологической, путь. Этот процесс совершенствования, порожденный сегодняшним днем, нашей советской действительностью. Имянин в этом процессе и надо искать конфликт для драмы, современный конфликт, который до сих пор и не мог существовать в природе! И, уверяю, дело тут вовсе не в том, что герой будет колебаться между позициями, спорил; о чём они говорят, о чём спорят между собой. В продолжение этого месяца я не слыхал о том, чтобы один инженер или рабочий-национализатор жаловался на то, что его назначения и предложения затирают, что не помогает директор или главный инженер.

Это не значит, конечно, что в этом огромном коллективе нет конфликтов. Но эти конфликты не соответствуют рецептам А. Анастасьева. Писать по этим рецептам пьесы или сценарий о жизни людей металургического завода Рустави — это значит оскорблять людей, а не воспевать их! Да такие люди просто не допустят той «конфликтной» атмосферы, о которой говорит А. Анастасьев!

Конфликт должен быть подсказан жизнью, а не создан искусственно, как поглаголят А. Анастасьев.

Наша сегодняшняя жизнь рождает новые конфликты. И они не похожи на те извечные конфликты, которые переходили из эпохи в эпоху. Они новы, как нов «ТУ-104», как новы фотографии обратной стороны Луны.

В эпоху, которая рождает подвиги, подобные подвигу Гагановой, и конфликты подлинно новые, доселе неведомые и куда более яркие, чем конфликты, вызванные завистью, работой о собственном благополучии и так далее.

Собственно говоря, как тут было завидовать Гагановой — человеку, который оставил слаженную brigadu и материально выгодные условия и ушел в отстающую brigadu? О какой зависти и корысти могла здесь идти речь? Гаганова, наверно, и не думала, что ее поступок вызовет такой отклик по всей стране и что за нее пойдет тысячи и тысячи последователей, что ее поступок станет примером для миллиона тружеников.

И основной смысл дела заключается в том, что Гаганова — рядовой, советский труженик — пришла к решению поступиться собственным благом, получившим ради общего дела. (Это и называется коммунистическим сознанием, тов. Анастасьев!) Именно такого поступка может заронить в «сознание

наследниками Чехова? Это кощунство!

Критикам нужно быть знакомыми не только с теми, кто пишет сегодня, надо знать и Чехова!

П. Плучек мы знаем как режиссера, работающего в трудном жанре сатиры. Его спектакли в Московском театре сатиры заслуживают похвалы. Но статья его «Поставлено в 1960-м...», помещенная в «Литературной газете» вслед за статьей А. Анастасьева, мне представляется путаной, неверной и ошибочной в своей основе.

«Сегодня самому суровому блондинисту реализма», — пишет Плучек, — не придет в голову считать отступление от нормы спектакль, решенный на условной площадке, насыщенный музыкой, свободно перемежающий поэзию и прозу, достоверность и фантасмагорию.

Как будто советский театр не ставил раньше, и до Плучека, насыщенные музыкальными спектаклями в условиях декораций, сочетающие фантастику и реальность, поэзию и прозу. Как будто кто-нибудь сомневался в том, что именно советский театр на всех этапах своего развития был самым новаторским в мире театром. Как будто советский театр когда-нибудь отступил от принципов социалистического реализма. Как будто деятели подлинно советского театра не были стругами реалистов, подхалимами и бюрократами.

С ПРАЩИВАЕТСЯ, зачем некото- рые наши критики так настойчиво гальванизируют в нашем искусстве уродливые явления жизни? Не секрет, что с их легкой руки во многих наших кинофильмах и пьесах мрачное и зловещее доминирует над светлым и жизнеутверждающим.

И вместо героев, прообразами которых являлись Гаганова, Майя, Чиж и многие другие наши патриоты, на сценах и экранах появляются маленькие человечки с их мелкими судьбами, мелким счастьем маленьких, очень маленьких людей.

И, как ни странно, оправдывая эти явления, ссылаются даже на их автора — А. П. Чехова и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Строить пьесы, как на Островском, неторопливо, степенно развертывать события, надо задерживаться на предыстории героя», — неизъятая сказка из пьесы А. П. Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«...Строить пьесы, как на Островском, неторопливо, степенно развертывать события, надо задерживаться на предыстории героя», — неизъятая сказка из пьесы А. П. Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова.

«Чехов и тем самым клевещут на великого писателя. Ведь авторы пьес с ущербными, дефектными героями объявляют продолжателями тради-

— А что Вы понимаете под «самоопределением для всех немцев», которого Вы так требуете, мистер Аденауэр?

— Чтобы я единолично мог определять, что хорошо для всех немцев.

Рисунок худ. Эрика Шмидта из немецкой газеты «Berliner Zeitung»

ХРОНИКА

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ФРАНЦИИ

Фронт борьбы за человека

В издательстве «Эдитор франс рене» вышел новый роман известного французского писателя Андре Стиля «Разборка крепи». В книге рассказывается история одной шахтерской семьи. Отец пошел на шахту. Старший сын Альбер тоже шахтер. Для того чтобы больше заработать — после того, как выработана лата, вынимать крепление. Каждый день он рискует жизнью. Младший сын — Бернар — испытывает непреодолимое чувство страха перед темнотой, поэтому он хочет быть шахтером. Не дождавшись, когда его призовут в армию, он добровольно идет в солдаты. Его направляют в Алжир. И здесь им властей приводят все то же чувство страха.

Бернар руководствуется правилом: вступи в армию — выплюни свой долг, если не убьешь ты, — убьют тебя. Однажды Бернар видел, как был убит его товарищ. Его страшит социальная смерть. Думаю, что он отстает от своего друга, Бернар вызывается расстrelять пленных. Шаг за шагом идет он по дороге морального падения. Вскоре он уже принимает участие в вытынках.

В газете «Леттр франсез» Андре Вюрмер называет книгу Стиля «романом чести», потому что автор борется за честь и достоинство простого человека, за честь французского солдата.

«Здесь проходит фронт борьбы за человека», — пишет газета «Юманит», против общества, которое давит его, против общества, эксплуатирующего человеческие слабости так же, как и положительные качества человека. В этом мире триумфальный Бернар стал убийцей, Альбер за грехи прорывает свою смелость.

Андре Стиль в своем романе поднимает не только тему борьбы за человека, — пишет газета «Юманит», — против общества, которое давит его, против общества, эксплуатиру